

Воловикова М.И.,
Борисова А.М.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИЗМЕНЕНИЙ ПРАЗДНИЧНОГО КАЛЕНДАРЯ¹

THE SOCIO-PSYCHOLOGICAL EFFECTS OF CHANGES
IN THE FESTIVE CALENDAR

Воловикова М. И.
M.I. Volovikova
Борисова А. М.
A.M. Borisova

Аннотация. Статья посвящена анализу социально-психологических проблем, связанных с изменениями календаря государственных праздников. Приводятся данные о значении праздничной культуры, полученные в социо-гуманитарных науках и, в частности, в психологических исследованиях праздника. Изложены основные результаты эмпирического изучения условий принятия личностью нового праздника.

Annotation: Abstract. The article contains the analysis of socio-psychological problems connected with the changes in the public holiday calendar. The significance of festive culture is confirmed by investigations in psychological and allied sciences. The article describes the main results of the empirical study of the conditions in which personality accepts a new holiday.

Ключевые слова: праздник, менталитет, социальные представления, ценности, нравственный идеал, мировоззрение, культура.

Keywords: holiday, mentality, social representations, values, moral ideal, world view, culture.

Изменения праздничного календаря на постсоветском пространстве происходят повсеместно. Одна из последних новостей связана с назначением новой даты украинского Дня защитника Отечества. При том, что название праздника не изменилось с тех пор, как его в праздничный календарь Украины ввел в 1999 году президент Кучма (с привычной датой празднования 23 февраля), *значение* события поменялось кардинально, — 14 октября отмечает свой день рождения Украинская повстанческая армия (УПА) — национа-

¹ Государственное задание ФАНО РФ № 0159-2015-0002

листы, боровшиеся против Красной армии и других антифашистских сил. Точная дата образования УПА не выпадает на 14 октября, но в этот день отмечается любимый православными праздник Покрова. На примере этой двойной подмены можно рассмотреть основные социально-психологические предпосылки воздействия на личность и общество изменений праздничного календаря. Меняется государственная идеология и, как одно из следствий, меняется официальный календарь. Связано это с тем огромным и пока мало исследованным значением, которое имеет праздник в жизни людей.

Как одна из древнейших форм человеческого бытия, праздник является сложным макросоциальным и макропсихологическим явлением [10, 24], сохраняющимся в разные исторические эпохи. С одной стороны, праздник формирует определенную социокультурную ситуацию, а с другой — существует во взаимодействии с ней, сохраняя в первую очередь ценности и идеалы, нравственные нормы и принципы, провозглашаемые и одобряемые в конкретном обществе. Как отмечают многие исследователи (А.И. Мазаев, Е.Б. Рашковский, М.М. Бахтин, М. Элиаде, К. Жигульский и др.), праздники нужны для полноценной жизнедеятельности человека. «Они являются необходимым условием социального существования и специфическим выражением человека, обладающего уникальной способностью праздновать, т. е. включать в свою жизнь радости других людей и опыт культуры предшествующих поколений» [11, с. 9]. Праздник, таким образом, является своего рода хранилищем и носителем основных ценностей и морально-этических эталонов, сформировавшихся на определенном культурно-историческом этапе развития общества.

Для личности важным является то, что в обстановке праздника эти ценностно-нравственные ориентиры произвольно усваиваются ею как свои собственные. Это усвоение, то есть конкретный процесс социализации [19, 20], происходит в форме эмоциональных переживаний настолько естественно и непринужденно, что человеком они могут и не осознаваться. Усвоенные нравственные образцы являются общими как для всех, так и для каждого члена общества в отдельности, что способствует осознанию человеком себя как неотъемлемой части общего «мы». В атмосфере праздника эмоции, выражаемые каждым, очень схожи по своему характеру, когда сугубо личные переживания *объединяются* с переживаниями других, что также укрепляет *чувство принадлежности* к определенной группе и всему обществу [16]. А.И. Мазаев отмечает, что праздник является таким «типом жизнедеятельности, ко-

торый не только в нашем сознании, но и объективно должен иметь прямое отношение к свободе, изобилию, радости и смеху, к периодическому обновлению жизни» [11, с. 13]. Важно подчеркнуть, что конкретные исследования праздника непосредственно включаются в более общее научное направление психологических исследований проблем современного общества [13, 14, 17], которое активно разрабатывается в Институте психологии РАН, а само научное направление по-прежнему рассматривается в качестве современного и актуального [7].

Особенность подлинного праздника заключается в том, что он не подчиняется привычным для повседневной жизни временным законам и представляет собой «другую реальность». Праздник, по М. Элиаде, — это «не церемония «в память» о каком-либо мифическом событии, а его *восстановление* в настоящем» [23, с. 55], ритуальное воссоздание первой реальности, времени *начала*, которое представляет собой *вечное настоящее*. Воспроизведение в настоящем одних и тех же мифических событий придает человеку большую надежду: дает ему возможность преобразовать свое существование, уподобить его божественному образцу. Благодаря такому «регулярному возврату» к истокам священного и реального, по мнению Элиаде, у человека появляется чувство защищенности от небытия и смерти [23, с. 70].

Можно выделить следующие социально-психологические особенности праздничной культуры:

1) праздник выступает носителем основных нравственно-этических образцов, которые усваиваются личностью в качестве своих собственных, поэтому изучение праздника легко включается также в такое научное направление исследований как психология нравственности [15];

2) коллективное переживание праздника вызывает чувства причастности к человеческой истории и принадлежности к определенной социальной группе [8];

3) особая праздничная атмосфера позволяет человеку раскрепоститься и испытать чувство свободы от будничных обязанностей и социальных ролей и быть «самим собой», что способствует эффективному преодолению стресса, трудных жизненных ситуаций и т. п. [18, 21];

4) праздник существует «вне времени»: благодаря регулярному воспроизведению первичного события, у человека появляется чувство причастности к этой первозданности, что способствует появлению переживания бесконечности человеческого бытия и т. д. [9].

Для иллюстрации полноты праздничной картины нашей страны в относительно недалеком прошлом можно отметить, что богатая на праздники жизнь дореволюционной России свидетельствует о серьезном и ответственном со стороны государства отношении к праздникам и о том месте, которое они занимали в жизни народа. В календаре за 1911 год обозначены как официальные праздники следующие дни (по старому стилю): 1 и 6 января; 2, 18, 19 февраля; 7–16 и 23 апреля; 6, 9, 14, 19, 25 и 29 мая; 29 июня, 22 и 30 июля; 8, 15, 29 и 30 августа; 8, 14, 28 сентября; 1, 5, 21 и 22 октября; 14 и 21 ноября; 6 и 25–27 декабря. Все праздники (кроме Царских дней) — православные, что естественно, так как Россия была православной державой. Праздники образовывали богослужебный год — «Лето Господне», как назвал свою книгу о праздниках детства писатель Иван Шмелев. Один праздник раскрывал значение другого и все вместе они были взаимосвязаны, давая опыт переживания событий священной истории — истории, наполненной смысла, непрерывной, начиная с предыстории мира. У праздников было развитие — подготовка, празднование, поспразднество. Подготовка к празднику включала в себя духовную дисциплину и работу над собой. Главный праздник всего церковного года — Пасха, окончательная победа над смертью. Любовь к этому празднику во многом определила характер русского народа — его бесстрашие и готовность отдать жизнь за высокие идеалы [5].

Ритм жизни в соответствии с годовым ритмом православных праздников еще долгие годы после Октябрьской революции сохранялся в народе, пока не начались репрессии молодого государства против прежних праздников. Самые суровые преследования были за празднование Пасхи, хотя идея преодоления страха смерти была заимствована и преобразована в почитание бессмертия подвига героев, отдавших жизнь за революцию.

Самый ощутимый удар по прежнему праздничному ритму нанес переход на григорианский («европейский») календарь. В календаре за 1918 год после 31 января сразу идет 14 февраля, а Новый год после замены «старого стиля» на «новый стиль» предшествует Рождеству.

К началу 1930-х годов Рождественская Елка тоже попала под запрет, но «выручил» Новый год, и Елка сохранилась, став Новогодней и вобрав в себя атрибуты и отчасти символику Рождественских Елок. Так опытно молодое государство узнало о необходимости праздника и чуда¹ для воспитания нового поколения. 27 декабря

¹ Если в русском языке слово «праздник» происходит от слова «праздность» (запрет работать в праздничные дни), то на грузинском — слово «праздник» означает «день чуда».

1935 года на слете стахановцев лидер украинских комсомольцев Павел Постышев произнес речь «Давайте, организуем к новому году детям хорошую елку» (на следующий день опубликованную в «Правде»), где заявил: «Почему у нас школы, детские дома, ясли, детские клубы, дворцы пионеров лишают этого прекрасного удовольствия ребятишек трудящихся Советской страны?». Уже 30 декабря в Москве и больших городах появились елочные базары. В 1937 году в Колонном зале прошла первая «Кремлевская» елка (в Кремле она стала проходить с 1954 года). В 1946 году 1 января объявили нерабочим днем.

Согласно исследованиям психологов [3, 22], до последнего времени Новый год оставался самым любимым праздником — «прототипом», образцом подлинного («настоящего») праздника. Причем, исследователи столкнулись с феноменом «русского Нового года», когда уезжающие за границу сограждане не находили там привычного с детства праздника: все атрибуты Нового года в западных странах принадлежат, как и в России прежде, Рождеству.

Бедный на праздники календарь советской эпохи скупое пополнялся новыми датами. В 1941 году нерабочими днями были 1 и 2 мая (Международный праздник трудящихся), 7 и 8 ноября (Великая Октябрьская социалистическая революция), 5 декабря (Сталинская Конституция). Нерабочим был и день смерти Ленина — 22 января. Последнее, возможно, было попыткой устройства «новой пасхи» («вечно живой» вождь сохраняется в Мавзолее), но здесь чудесной подмены праздника, как случилось с Новым годом, не произошло. В 1979 году происходит перенос праздника День Конституции с 5 декабря на 7 октября. В календаре 1981 года появляется День Победы 9 мая. Последняя прибавка праздничного календаря советской эпохи — это праздник 8 марта.

Согласно проведенным исследованиям [3], в советских праздниках было много доброго. Оказалось, что и спустя десятилетия после наступления постсоветской эпохи сохранилась благодарная память об этих праздниках: о той атмосфере мира, дружелюбия и чувства единства со всеми людьми, которыми было наполнено празднование, особенно семейное. Нужно полагать, что могучая культура прежней России, в основах своих христианская, преобразила советские праздники и сделала их уникальным явлением мировой праздничной культуры, позволяя в изменившихся условиях нового государства сохранить вечные ценности любви, веры и надежды.

Как всегда, нововведения происходили при смене общественного строя и в последующий период. С начала 2000-х официаль-

ный праздничный календарь вновь стал меняться. Началась праздничная реформа, причем, недостаточно подготовленная.

Замена в 2005 году главного советского праздника 7–8 ноября (годовщины Октября) на 4 ноября (День Народного Единства) дала редкую возможность изучать в действии отношение личности к нововведению в ту область ее жизни, которая связана с переживанием чувства радости, свободы, с привычным жизненным ритмом чередования труда и осмысленного отдыха.

Для организации мониторинга отношения к «осенним праздникам» нами была разработана анкета открытого типа, направленная на выявление субъективного опыта переживания праздника. Анкета состояла из заданий: а) продолжить предложение «Для меня праздник 4 ноября — это...»; б) назвать первые три слова, которые приходят в голову, в связи со словами «праздник 4 ноября»; в) ответить на вопросы: был ли праздник 4 ноября, который Вам особенно запомнился? Чем именно он запомнился? г) что для Вас означает старый (теперь) праздник 7 ноября? д) укажите ваш возраст, пол, регион проживания. Задание на ассоциации напоминало анкету нашего предыдущего исследования, в котором изучались представления о «настоящем» празднике [3], что позволяло сравнить структуру этих представлений со структурой представлений о новом-старом празднике¹. Понятие «структура социальных представлений» взято у последователей французской научной школы С. Московичи [6]. С помощью специальных математических процедур в социальном представлении (СП) о каком-либо явлении выделяют «ядро» и «периферию» — устойчивую и подверженную изменениям составляющие структуры СП.

Анкета для заполнения в режиме он-лайн размещалась ежегодно, начиная с 2007 года, на сайте ИП РАН в период времени, близкий к «осенним праздникам». Причем одним из важных для нас показателей было то, захотят ли посетители сайта отвечать на вопросы нашей анкеты, что само по себе явилось бы проявлением интереса к данной теме.

Обработка заполненных анкет осуществлялась с помощью качественного анализа высказываний, обработка ассоциаций со словом «праздник 4 ноября» — методом П. Вержеса для выявления структуры СП [25]. В основе этого метода лежит прототипический подход. Исследователи, работающие по данной методике, отмечают: «В соответствии с прототипическим методом анализа,

¹ Праздник 21 октября из дореволюционного календаря как раз соответствует по новому стилю празднику 4 ноября. Праздник был установлен в честь конца Смутного времени и сохранения Государства Российского.

предложенным П. Вержесом, центральные элементы представления являются не только высокочастотными, но и приводятся респондентами в числе первых рангов... На основании пересечения показателей частотности и среднего ранга каждой приведенной ассоциации составляются таблицы из четырех квадратов» [12]. Высокочастотные элементы с низкими значениями рангов (т. е. их называют часто и ставят на первые позиции) относят к ядру СП. В таблице они занимают левый верхний квадрат (см. ниже таблицы 1 и 2). Интерпретация остальных квадратов в разных источниках несколько разнится, но все исследователи сходятся в том, что они относятся к периферии СП, причем в нижнем левом квадрате собраны не высокочастотные элементы с низкими значениями рангов, образующие зону потенциальных изменений СП, в правом верхнем квадрате — высокочастотные с высокими значениями рангов — могут указывать на влияние СМИ, а элементы нижнего правого квадрата можно не учитывать, их редко называют (малая частота) и ставят на последние позиции (высокие значения рангов).

Первым результатом нашего исследования было то, что анкету многие заполняли, она вызвала интерес и желание поделиться переживаниями. Анализ 184 анкет, заполненных взрослыми респондентами (средний возраст 43 г.) из разных регионов РФ, показал сложный, противоречивый характер СП о новом празднике. Хотя СП еще не сложились в настоящее время, они характеризуют несколько асимметричными негативно-оценочными чертами.

Для сравнения начнем анализ с сопоставления полученных результатов с данными одного из предыдущих исследований, в котором была получена сложившаяся структура СП о «настоящем празднике» на взрослой выборке в 2011 году (см. таблицу 1).

Таблица 1. Структурный статус элементов социальных представлений о «настоящем празднике» (взрослая выборка, 2011 год)

Частота ассоциации	Средний ранг ассоциации	
	<1,97	≥1,97
≥23,4	радость (1,5) веселье (1,67)	подарок (2,4)
<23,4	новый год (1,6) отдых (1,9) хлопоты (1,88)	друзья (2,16) музыка (2,4) стол (2,15) гости (2)

Картина структуры СП четкая и ясная. В «ядре» СП находятся ассоциации «радость» и «веселье». В «зоне ближайшего развития» — Новый год, отдых, хлопоты. Вполне возможно, что место «подарка» связано с влиянием рекламы в СМИ. Что касается «друзей», «музыки», «стола» и «гостей», то на разных по возрасту выборках [2] их место в структуре варьировалось. Иногда отдельные элементы попадали даже в ядро СП. Но во все годы и на всех этапах неизменно с большим отрывом лидировали «радость» и «веселье».

В 2008 г. С.В. Тихомировой было выполнено исследование социальных представлений современной молодежи о празднике [22]. Разработанная ею математическая процедура обработки ассоциаций также подтвердила центральное положение выделенных нами ассоциаций. Тихомирова высказала интересное предположение о «неортогональности» понятий «радость» и «веселье», которые в разных выборках занимали разное положение. У молодежи на первом месте чаще стояло «веселье», т.е. одно из понятий не могло заменить другое, и каждое из них имело свой смысловой оттенок. «Радость» может быть в связи с чем-то или кем-то, а «веселье» не имеет такой определенности, являясь просто состоянием. Но обе ассоциации могут указывать на одну из главнейших функций настоящего праздника — помощь в преодолении самых разных видов тревожности [4]. Возможно, с этим связаны также переживания радости и веселья, которые сопровождают подлинный («настоящий») праздник, открывающий человеку на простом языке образов, понятных даже детям, высшие смыслы бытия.

Можно сослаться также на мысль М.М. Бахтина, которая должна стать ключевой в понимании такого явления как праздник: «Никакое «упражнение» в организации и усовершенствовании общественно-трудового процесса, никакая «игра в труд» и никакой отдых для передышки в труде сами по себе никогда не могут стать праздничными. Чтобы они стали праздничными, к ним должно присоединиться что-то из иной формы бытия, из сферы духовно-идеологической. Они должны получить санкцию не из мира средств и необходимых условий, а из мира высших целей человеческого существования, то есть из мира идеалов. Без этого нет и не может быть никакой праздничности» [1].

Просто «отдых» — это еще не праздник в подлинном смысле этого слова. Однако именно «отдых» («выходной») стал лидирующей из позитивных ассоциаций по поводу праздника «4 ноября». Результаты проведенного анализа представлены в таблице 2.

Таблица 2. Структурный статус элементов социальных представлений о празднике «4 ноября»

Частота ассоциации	Средний	ранг ассоциации
	< 1,85	≥ 1,85
≥ 9	выходной (1,39) единство (1,54) что это? (1,59)	7 ноября (1,85) непонятность (1,85) искусственность (1,9) осень (1,93) отдых (2,11) негативные чувства (2,13) Минин и Пожарский (2,2) холодно (2,2) бытовые проблемы (2,2) память/история (2,83)
< 9	революция (1,29) Путин (1,33) ничего (1,43) согласие (1,5) праздник (1,57) икона Казанской Б.М. (1,57) навязывание (1,67) народ/общество (1,83)	красный цвет (2,5)

В ядро СП вошли ассоциации: *выходной, единство, что это?* (частота ≥ 9; средний ранг < 1,85). В зону потенциальных изменений СП вошли ассоциации: *революция, Путин, ничего, согласие, праздник, икона Казанской Б.М., навязывание, народ/общество* (частота ассоциация < 9; средний ранг < 1,85). Иницированными СМИ можно считать ассоциации: *7 ноября, непонятность, искусственность, осень, Минин и Пожарский, холодно, отдых, память/история* (частота ≥ 9; средний ранг ≥ 1,85).

Полученные результаты показывают, прежде всего, то, что СП о новом празднике пока не сложились, что в ядро СП об этом празднике вошли ассоциации, которые не образовали смыслового единства, целостности, что свидетельствует об отсутствии сформированного ядра, а значит — и четкого представления о том, «что» празднуется в этот день.

Одна из причин сложного отношения к новому празднику, возможно, заключается в том, что календарно он близок к главному советскому празднику 7 ноября. Еще живо то поколение, для которого это был не просто идеологический, а настоящий праздник, который собирал всю семью вместе, а также друзей и коллег. На вопрос: «Что для вас означает старый праздник 7 ноября?» *пожилые* респонденты, например, отвечали: «великолепные воспоминания о величии и чувстве гордости за нашу Родину, за великий народ огромной страны» (Ж, 65 лет); «патриотические чувства, де-

монстрация, семейные праздники» (Ж, 57 лет); «общий сбор всех родственников, праздничный стол, веселье, песни» (М, 82 года); «воспоминание атмосферы всеобщего праздничного настроения» (М, 57).

Отмена дорогого им праздника явилась для этих людей своего рода ударом по их прошлому, жизненным ценностям, вере в какие-то идеалы; для них это стало проявлением неуважения к ним и их жизни. Вполне понятно, что на таком неблагоприятном фоне введение нового праздника этой частью населения было воспринято, скорее, негативно. Конечно, среди людей старшего поколения встречаются и те, которые критически воспринимают прошлое и понимают, что идеалы, может быть, были и не совсем правильные, но и для них этот праздник являлся хорошим поводом собраться в кругу семьи. Они в большинстве своем все равно испытывают ностальгию по тем временам: «Был праздник, была вера в предложенную истину. Были, конечно, и сомнения, теперь все это разрушилось» (Ж, 67 лет); «Это давно было и сейчас уже ничего не означает. А раньше какой-то подъем был, ожидание, застолье, единство... Странно, что сейчас это воспринимается, как давно прошедшее» (Ж, 57).

Даже люди *зрелого поколения* (35–45 лет), чье детство пришлось на то время, когда праздник Октябрьской революции еще отмечался, испытывают похожие чувства, в которых присутствуют нотки сожаления, что такого праздника больше нет: «Это был праздник! Сейчас — только память о том, что было» (Ж, 44); «Ощущение праздника, объединение, даже в ситуации демонстрации по принуждению, встреча с родственниками» (Ж, 47); «военный парад, когда я был маленький — ходили с бабушкой смотреть возвращающуюся с парада технику» (М, 46); «детство, демонстрация, совместная радость» (Ж, 38); «детство, семья, атмосфера праздника. Странно, что все это было» (Ж, 35); «общее, единение, традиции, преемственность» (М, 36); «праздник, который хотя бы что-то значил для людей (по крайней мере, для старшего поколения) и хотя бы кого-то объединял» (Ж, 26). Несмотря на юный возраст, эти люди в детстве смогли почувствовать то главное, что выразил этот праздник — единение, общую радость — и сохранили это в своей памяти. Слова «единение», «единство», «вместе» «совместный», «общий» доминировали в ответах пожилых респондентов о празднике 7 ноября.

У очень *молодых* (до 20 лет) людей наблюдается отторжение и того, и другого праздника и отсутствие знаний исторического контекста современной праздничной культуры.

Выводы

То, что изменения официального праздничного календаря всегда происходили и происходят вслед за изменением государственной идеологии, доказывает наличие идеологической составляющей праздника как важнейшего массового явления общественной жизни.

Праздник обладает автономностью, относительной независимостью от происходящих в обществе процессов, поскольку главная характеристика этого феномена — наличие существенного и глубокого смыслового, «миросозерцательного» (М.М. Бахтин) содержания.

Социально-психологический подход к изучению праздника позволяет приблизиться к пониманию причин преобразующего человека воздействия праздничной культуры.

Сравнение результатов анализа ассоциаций, полученных в исследованиях, позволяет увидеть явное искажение образа праздника «4 ноября» — Дня Народного Единства. Противоречивость и несколько негативный характер ассоциаций свидетельствует о том, что пока этот праздник недостаточно выполняет свою консолидирующую функцию как «Праздник Народного Единства».

Благополучное включение нового праздника в жизнь современного российского общества может быть только в случае наличия в нем очевидного для подавляющего большинства *смыслообразующего компонента* и его *экзистенциальной значимости*. Именно поэтому введению нового праздника должна предшествовать огромная работа, в которой должны быть учтены особенности, связанные с современной культурно-исторической обстановкой, общественными настроениями людей, идеологическими ориентирами государства и т. п.

Изменения праздничного календаря требуют тщательной предварительной подготовки с привлечением результатов социогуманитарных исследований проблематики праздничной культуры.

Литература

1. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990.
2. *Борисова А. М.* Психолого-мировоззренческое значение праздника для современной личности // Современная личность: Психологические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 248–261.

3. *Воловикова М.И., Тихомирова С.В., Борисова А.М.* Психология и праздник: Праздник в жизни человека. М.: Пер Сэ, 2003.
4. *Гаврилова Т.А.* Аутомортальная тревожность как субъектный феномен // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 2. С. 99–107.
5. *Громыко М.М., Буганов А.А.* О воззрениях русского народа. М.: Паломник, 2007.
6. *Емельянова Т.П.* Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
7. *Журавлев А.Л.* Основные тенденции развития психологических исследований в Институте психологии РАН // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 6. С. 5–18.
8. *Королев А.А., Журавлев А.Л., Кольцова В.А.* История и психология: неумолчный диалог. Учебное пособие / Под ред. А.А. Королева. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011.
9. *Личность и бытие: субъектный подход: Материалы научной конференции / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.В. Знаков, З.И. Рябикина.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
10. *Макропсихология современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
11. *Мазаев А.И.* Праздник как социально-художественное явление. М.: Наука, 1978.
12. *Пащенко-де-Превиль Е., Дрозда-Сенковска Е.* Социальные представления об ответственности у молодежи России и Франции // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 2. С. 87–98.
13. *Психологические исследования проблем современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
14. *Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
15. *Психология нравственности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
16. *Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова.* М.: Изд-во «Социум»; «Институт психологии РАН», 2001.
17. *Психология человека и общества: научно-практические исследования / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко, Н.В. Тарабиной.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
18. *Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы / Под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
19. *Соснин В.А., Журавлев А.Л., Красников М.А.* Социальная психология: Учебное пособие для студентов вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ФОРУМ; ИНФРА-М, 2011.
20. *Социальная психология: Учебное пособие для вузов / Отв. ред. А.Л. Журавлев.* М.: ПЕР СЭ, 2002.
21. *Стресс, выгорание, совладание в современном контексте / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.

22. *Тихомирова Т.В.* Динамика социальных представлений о празднике у современной российской молодежи: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2008.
23. *Элиаде М.* Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 2013.
24. *Юревич А.В., Журавлев А.Л.* Макропсихологическое состояние современного российского общества // Экономическая наука современной России. 2012. № 2. С. 137–140.
25. *Verges P.* L'Evocation de l'argent: Une methode pour la definition du noyau central d'une representation // Bulletin de Psychologie. 1992. V. XLV. P. 203–209.

Сведения об авторах

1. *Воловикова Маргарита Иосифовна*, доктор психологических наук, профессор, зав. лабораторией психологии личности Института психологии РАН
2. *Борисова Анастасия Михайловна*, младший научный сотрудник Института психологии РАН